

Е.О. Труфанова

Я-нарратив и его автор

Я как нарратив: история концепции

Идея «рассказанного» Я, Я как жизненной истории, Я как нарратива появляется в середине XX в. Она получает наибольшее развитие в так называемой нарративной психологии и нарративной психиатрии. Нарративная психология основывается на предположении, что все сведения, которые мы получаем о мире, и все сведения, которые мы сообщаем миру о себе, оформляются в виде нарративов – т. е. неких последовательных историй, обладающих смысловой целостностью, определенной сюжетной стройностью и т. п. Говоря о себе, утверждают нарративные психологи, мы не просто сообщаем отдельные бессвязные факты, мы всегда создаем логичный рассказ, который увязывает отдельные факты нашей биографии в некое единство, а из отдельных рассказов строится единый большой нарратив – наша *жизненная история*.

Нарративная психология близка социальному конструкционизму и, по сути, может рассматриваться как одно из его поднаправлений. Язык и речь, играющие важнейшую роль в нарративной психологии, являются также главным средством социального конструирования реальности: именно описывая мир с помощью речи, мы создаем единое смысловое поле, которое позволяет разным индивидам в обществе воспринимать мир неким сходным образом. В конечном счёте мы договариваемся не только о том, как называть вещи, но и о том, как нужно описывать происходящие в природе и обществе процессы (например, языком научных теорий), и на основе этих описаний создаются структуры, опираясь на которые мы познаем мир. Этим структурам ребенок обучается вместе с усвоением языка.

С точки зрения одного из крупнейших представителей социального конструкционизма Р.Харре *Я* является определенного типа теорией, которой обладает тот или иной человек. Теория эта активно конструируется самим человеком, в рамках определенного заданного дискурса¹. Испанский психиатр Луис Ботелла², представитель нарративной психологии, указывает, что в его понимании *Я* конструируется не как теория, а как «нарратив». Оба этих направления принимают как основную предпосылку то, что наши нынешние идентичности, которые мы себе приписываем, являются личными способами связывания нашего прошлого с ожидаемым будущим. Это чувство личностной связности может исчезать в некоторых клинических случаях (например, при паранойе), и тогда ощущение будущего пропадает, или же в случаях депрессии наличествует ожидание негативного будущего. Так, создание *Я*-конструкции необходимо для наведения моста между прошлым и будущим человека, создавая то самое настоящее, в котором человек существует на данный момент. Она увязывает события жизни человека (прошедшие и предполагаемые) в единый узел. С точки зрения К.Гергена, нарратив создается непосредственно индивидом, тем не менее, он формируется в рамках налагаемых языком социокультурных ограничений³. Нарратив ограничен данным ему словарем языка, который он использует. Еще М.Мерло-Понти⁴ утверждал, что мы можем знать множество языков, но существуем во вселенной, созданной лишь одним из них, тем, который мы считаем для себя основным. Таким образом, детали, из которых конструируется *Я*, различны для каждой языковой среды.

Современная нарративная психология, однако, рождается из ряда философских концепций и сама рождает некоторые области нового философского дискурса. И само представление о *Я* как нарративе выходит за рамки психологии, становясь частью философских исследований проблемы самосознания и *Я*. Среди предтеч идеи о *Я* как нарративе следует назвать классический труд П.Бергера и Т.Лукмана «Социальное конструирование реальности» и ряд работ М.М.Бахтина.

Бергер и Лукман отмечают, что человек при рождении попадает в ту реальность, которая предписана окружающим его языком, т. е. родной язык человека играет важную роль в конструировании окружающей его реальности, поскольку с помощью языка ему

описывают (а затем он сам начинает описывать) мир. С точки зрения Бергера и Лукмана, степень «проговоренности» тех или иных событий и явлений определяет их реальность, то, что недостаточно «проговорено», недостаточно определено. Интересно также, что в одном и том же обществе, реальность может определяться по-разному. Так, авторы считают, что интеллектуал является «контрэкспертом» в определении реальности, его описание реальности отличается от народного, и не в последнюю очередь это зависит от разницы речевых практик. Поэтому рамки конструированию задает не общество в целом, а конкретный дискурс.

Они же отмечают, что любая история (личности или общества) всегда может быть рассказана по-разному, если иначе расставить акценты.

Я человека, по Бергеру и Лукману, не является врожденным, а врожденными являются только предпосылки возможности его возникновения. Институционализация и социализация играют важную роль в жизни индивида, но в то же время, человек не остается пассивным под общественным воздействием и сам создает себя. В том числе и сама его биография является конструируемой, он располагает события своей жизни по временной шкале, таким образом создавая последовательную жизненную историю⁵.

Применительно к теории *Я* как нарратива мы можем сказать, что таким образом *Я* является вариативным и индивид способен постоянно его реконструировать, рассказывать свою жизненную историю или ее фрагменты каждый раз по-новому, в зависимости от данного контекста разговора, от собеседника, от этапа развития личности (очевидно, что человек совершенно по-разному будет рассказывать о событиях своей школьной жизни в двадцать и в шестьдесят лет) и т. п.

М.М.Бахтин особенно наглядно формулирует свое представление о *Я* как нарративе в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Бахтин показывает, как автор видит и знает все, что известно герою, и он знает значительно больше и о герое, и о мире, в котором последний существует. Герой и его мир находятся в сознании автора. Герой открыт и рассеян в своем мире, задача автора – собрать его в единое целое. Автор своими силами рождает нового человека в мире, в котором сам автор не может существовать. В случае, если герой автобиографичен, автор должен взглянуть на

него глазами Другого. Сознание автора (как Другого) и сознание героя (как Я) являются сознанием сознания, они принципиально неслиянны и сознание героя конкретно локализуется и завершается в незавершенном сознании автора. И даже в автобиографии автор не совпадает полностью с самим собой как героем автобиографии. Автор является одновременно и зрителем по отношению к герою и событиям его жизни. Отношения автора и героя являются, по сути, важной иллюстрацией для отношений Я и Другого. Бахтин говорит о том, что полноценным Я может стать, только если мы можем отнестись к нему с позиций Другого, так как Другой видит во мне то, чего не можем видеть мы сами, он обладает «избытком видения» и таким образом дополняет наше знание о себе. Таким образом, для Другого мы, в каком-то смысле, являемся героем, а он является нашим автором, обладая уникальной возможностью видеть нас со стороны. Так, Бахтин отмечает важный для нашего понимания Я момент коммуникации, диалога Я и Другого, причем под Другим мы подразумеваем наш собственный взгляд на себя со стороны⁶.

Итак, мы можем сказать, что создание собственного нарратива является своего рода отстранением от своего Я и представлением его как Другого. Индивид – это автор, рассказывающий историю о самом себе, где он же является героем. Рассказывая историю о своем Я, автор отчуждает его и конструирует историю его жизни как историю Другого, иным образом создание подобного рассказа невозможно. Возможность рассказа о себе базируется исключительно на умении посмотреть на себя со стороны. Также важно отметить, что автор и герой постоянно находятся в диалоге, то есть позиция героя не является сугубо пассивной относительно автора. Так отношения автора и героя становятся метафорой внутреннего диалога человека в процессе конструирования своей жизненной истории.

Современные представления о Я-нарративе

Д.К.Деннет, не принадлежащий к направлению социального конструкционизма, тем не менее, разделяет представление о Я, рассказывающем свою жизненную историю. В статье «Почему каждый из нас является новеллистом»⁷ Д.Деннет высказывает точку зрения о существовании Я не в качестве реального, а в качестве

абстрактного объекта, который он сравнивает с ньютоновским понятием «центра гравитации»⁸ – фикцией, существующей и работающей в рамках классической механики, несмотря на то что это понятие является воображаемым. Таким же, по мнению Деннета, представляется и *Я* – оно вводится как абстракция для удобства описания различных феноменов человеческого сознания. Будучи объектом воображаемым, *Я* как бы постоянно заново проходит становление, находясь в непрерывном процессе самоконструирования, переписывания заново жизненной позиции. *«Мы не в состоянии переделать уже завершившиеся и определившиеся куски нашего прошлого, но мы постоянно делаем все более определенными наши самости, по мере того как мы реагируем на способы, какими мир наносит нам удары... Все мы являемся болтливыми существами, рассказывающими и заново пересказывающими себе историю нашей собственной жизни, не обращая особого внимания на вопрос об ее истинности»*⁹. Оставив в стороне критику идеи о *Я* как абстракции, мы должны обратить внимание на то, что у Деннета *Я* формируется в ходе постоянно создаваемых нами рассказов о себе, а также создаваемых о нас рассказов другими людьми. Для сохранения предполагаемого единства своего *Я* человек придумывает и рассказывает себе и другим различные истории, описывающие, кто он такой. Так мы можем предположить, что с точки зрения Деннета хотя *Я* как единство не существует (что, замечу, более чем спорно), тем не менее, индивид пытается сохранить хотя бы видимость единства *Я* и для этого пытается связать отдельные фрагменты своего бытия, отдельные сюжеты своей жизни в некую объединенную причинно-следственными и смысловыми связями историю, т. е. нарратив.

О «жизненных историях» пишут разные представители социального конструкционизма: Миллер Мэйр, Кеннет Герген, Джеральд Принс, Теодор Р.Сарбин. Предполагается, что нарратив создается с помощью разума, то есть целенаправленно, а не спонтанно. Само-нарратив (self-narrative) увязывает все события нашей жизни в единую систему, подобную логично построенной истории, а *Я*, таким образом, является одновременно и ее героем, и ее рассказчиком¹⁰. Также любопытным кажется предположение, что нарратив создается отнюдь не из сугубо реальных событий и фактов – здесь реальность сочетается с фантазией, причем не

принципиально, в каких пропорциях они сочетаются – человек сам определяет значимость каждого из событий, для внедрения его в конструкцию собственного Я¹¹.

М.Мэйр формулирует основной принцип конструкционистской психологии: «*Личностные процессы психологически направляются историями, в которых эти личности живут и историями, которые они рассказывают*»¹². Ему вторит Герген: «*Наша нынешняя идентичность не является неожиданным таинственным событием, она разумный результат нашей жизненной истории...*»¹³. У Джулиана Джейнса¹⁴ в его концепции бикамерального разума самость понимается как «мысленное пространство», которое конструируется Я и в котором Я (the I) наблюдает движения «Меня (Me). У Джейнса подобное раздвоение обуславливается двухполушарным строением головного мозга, и он утверждает, что на ранних этапах человеческой истории было возможно «общение» двух полушарий, существовавших относительно независимо друг от друга, и таким образом осуществлялось построение нарратива – рассказа о себе, который человек сначала воспринимал как приходящий извне, затем стал воспринимать как внутренний голос, как то, что мы сейчас называем интроспекцией. Так, человек, создавая нарратив, рассказывает его, прежде всего, самому себе.

Специалист по нарратологии и теории нарратива Д.Принс определяет нарратив как «*репрезентацию по меньшей мере двух настоящих или вымышленных событий или ситуаций в определенном промежутке времени, каждое из которых не является предпосылкой или следствием другого*»¹⁵, а нарративный психолог Т.Р.Сарбин как «*способ организации эпизодов, действий и отчетов о действиях; это нечто, что соединяет простые факты и фантастические вымыслы...*»¹⁶. Любопытная подробность – нарратив создается отнюдь не из сугубо реальных событий и фактов – здесь реальность сочетается с фантазией, причем не принципиально, в каких пропорциях они сочетаются – человек сам определяет значимость каждого из событий, для внедрения его в конструкцию собственного Я.

Губерт Херманс в 1990-е годы развивает под влиянием прагматизма У.Джеймса и концепции М.Бахтина теорию «диалогического Я». Он считает, что важны не только диалогические отношения между индивидами, группами и культурами, но так-

же отношения между различными *Я*-позициями одной и той же личности, причем первые не могут существовать отдельно от вторых. Описывая структуру *Я*, Херманс также использует представление о полифоническом романе. Идею полифонического романа Херманс, Кемпен и ван Лоон¹⁷ предлагают в качестве метафоры *Я*, обладающего возможностью воображаемо занимать различные позиции и диалогически общаться с другими своими позициями. О полифоническом романе писал и М.М.Бахтин в «Проблемах поэтики Достоевского» (написана в 1929 г., опубликована в разных вариантах в 1960–1970-е гг.). Он показывает, что в полифонических романах Достоевского сосуществует множество неслиянных «голосов», равноправных сознаний героев, каждое из которых выражает свой мир, и над которыми не довлеет авторский императив¹⁸.

Я-нарратив¹⁹ представляет собой не одну-единственную историю, а совокупность всех жизненных сюжетов, в которых оказывается *Я*. Так, нарратив представляется нам как роман с множеством действующих лиц, в качестве которых выступают различные *Я*-образы человека. Однако все эти действующие лица относятся физически к одному актору, воплощенному в одном теле. Конструирование *Я*-нарративов было бы невозможно без использования символических ресурсов языка.

Следует заметить также, что с распространением средств массовых коммуникаций, в частности, Интернет, *Я*-нарратив превращается в «текст» в прямом смысле слова – общение во Всемирной Сети осуществляется путем обмена текстами между пользователями и таким образом человек должен постоянно (в условиях отсутствия других способов самовыражения) выражать свое *Я* строго вербально, как «чистый» нарратив.

Здесь мы видим, что личностные аспекты сознания могут быть успешно представлены как конструируемые. Однако представление о *Я* как нарративе делает упор не только на социальной составляющей (должен быть тот, кому я рассказываю свою историю), но и на индивидуальной активности (я сам создаю свою биографию, свой жизненный нарратив). Также следует отметить, что индивидуальные аспекты сознания в социальном конструкционизме представляют собой сложную систему, и *Я* представляется «многоголым», ведущим непрерывный диалог с самим собой.

«Смерть автора» или авторство себя?

Идея *Я* как рассказываемой истории получает в современной философии широкое распространение. Ряд постмодернистских концепций, достаточно популярных и на данный момент, пытается доказать, что автор этих жизненных историй отсутствует или же не имеет власти над создаваемыми нарративами: об этом говорят и концепции «смерти субъекта»²⁰, и «смерти автора»²¹, утверждающие потерю человеком ответственности за «авторство» своей самости, своих поступков и своего опыта. Автор или субъект как бы выводится за рамки принадлежащего ему «текста» (в нашем случае, нарратива) и, по сути, перестает интересоваться «читателя», т. е. «текст» рассматривается абсолютно независимо от того, кто его создал. Применительно к литературе эта концепция может иметь смысл, однако экстраполяция на человека как автора себя и, как следствие, вывод об исчезновении субъекта, очевидно, преждевременны. Несмотря на то что современная ситуация действительно заставляет человека включаться во множество дискурсов одновременно, это вовсе не означает, что он полностью растворяется в этих дискурсах, теряя свое *Я*.

В связи с тем, что в современном обществе крайне высока степень свободы индивида, индивид как автор *Я*-нарратива не только не исчезает, но и, напротив, начинает играть особенно важную роль. Если в предшествующие исторические эпохи жизненная история определенным образом предписывалась извне (разумеется, события жизни человека принадлежали только ему, однако их оценка им самим зависела во многом от жестких социокультурных предписаний: каждый имел перед глазами определенный шаблон поведения, в который ему необходимо было вписаться) и заданные обществом рамки служили своего рода «костяком» нарратива, то современный человек должен приложить максимум усилий, поскольку теперь именно он отвечает за создание этого «костяка». Именно он, будучи включенным во множество социальных интеракций и социокультурных контекстов одновременно, должен постоянно заниматься выстраиванием последовательного и непротиворечивого нарратива, прежде всего в качестве самоотчета. Если человек не в состоянии посмотреть на свою жизнь с позиции автора – со стороны и сформировать свой нарратив, это

приведет к тому, что он постоянно будет находиться в состоянии нестабильной, дефрагментированной, кризисной идентичности, означающий, что ему не на что опереться, что ни внутри него, ни вовне нет «точек притяжения», на основе которых он мог бы сконструировать свое *Я*. Следовательно, авторство по отношению к *Я*-нарративу должно являться одной из важнейших характеристик современной личности.

Однако индивид является не единственным автором *Я*-нарратива. Очевидно, что помимо его внутренних интенций при построении рассказа о себе, существует также и влияние извне, ведь не случайно мы говорим о социальном конструировании. Здесь необходимо упомянуть теорию Умберто Эко об «открытых произведениях»²². «Открытым произведением» для Эко является такое произведение (оно может быть не только произведением художественной литературы, но и музыкальным произведением, и даже научным текстом), которое требует активности читателя (исполнителя) при его восприятии (воспроизведении), и которое допускает множество толкований, а не лишь одну трактовку, предзаданную автором (однозначность трактовки – характеристика «закрытого произведения»). Так, мы можем понимать *Я* индивида как «открытое произведение» – в котором сам индивид является и автором, и исполнителем, а Другие, также выступая с позиций «читателя» («слушателя») привносят свое понимание самости, дополняя создаваемый человеком *Я*-нарратив. Тогда как Ролан Барт с его концепцией «смерти автора» говорит о необходимости ограничить восприятие «произведения» только самим «произведением», нам более продуктивным представляется видеть *Я*-нарратив открытым интерпретациям извне. Человек рассказывает свою жизненную историю, но он не может ограничиваться только своим пониманием *Я* и неизбежно дополняет и видоизменяет свой *Я*-нарратив с помощью реакций Других на его рассказ. Таким образом, *Я*-нарратив, несмотря на наличие некоего постоянства, обеспечиваемого его автором, находится в состоянии вечной «текучести»: он вечно уточняется, дополняется, корректируется, видоизменяется, и с помощью Других человек сам открывает все новые грани самого себя и вписывает их в свой нарратив.

Понимание *Я* как нарратива может восприниматься сугубо прикладным путем (например, в нарративной психиатрии, где повествование о себе носит характер определенного программи-

рования своего отношения к тем или иным событиям: бывшим, текущим или будущим) или же, что больше интересует нас как философов, восприниматься более широко – как вербализованное самосознание, как способ упорядочения Я-структуры, и в качестве такового может оказаться достаточно убедительным. Можно возразить, и совершенно справедливо, что Я не сводится только к языку и речевым практикам, однако проговаривание своей жизненной истории наиболее эффективно позволяет нам конструировать наши представления о самих себе и предъявлять их другим.

Примечания

- ¹ *Harre R.* Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Harvard, 1986.
- ² *Botella L.* Personal construct psychology, constructivism, and post-modern thought // *Advances in Personal Construct Psychology*. Vol. 3. Greenwich, 1995. P. 3–36.
- ³ *Gergen K.J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Construction. Cambridge, 1994.
- ⁴ *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб., 1999.
- ⁵ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- ⁶ *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 7–180.
- ⁷ Точнее было бы перевести *novellist* как «автор романов».
- ⁸ Центр гравитации – абстрактное понятие, введенное И.Ньютоном. Он не имеет никаких физических характеристик, кроме пространственно-временного расположения. Это абстрактная точка, которой приписываются все гравитационные свойства тела, которое она представляет. Центр гравитации также является определенным рубежом при операциях с объектами. Например, если мы начнем раскачивать стул, мы знаем, что при определенном наклоне он должен упасть. Этот рубеж, после которого стул начинает падать, а не возвращаться в исходную позицию, зависит от того, насколько произошло смещение относительно центра гравитации.
- ⁹ *Деннет Д.К.* Почему каждый из нас является новеллистом // *Вопр. философии*. 2003. № 2. С. 126–127.
- ¹⁰ *Gergen K.J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism, Cambridge, 1994. P. 187.
- ¹¹ *Sarbin T.R.* The narrative as a root metaphor for psychology // *T.R.Sarbin (ed.). Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*. N.Y., 1986. P. 9.
- ¹² *Mair M. Kelly.* Bannister and a story-telling psychology // *Intern. J. of Personal Construct Psychology*. 2, 1. 1989. P. 1–14.
- ¹³ *Gergen K.J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge, 1994. P. 187.

-
- ¹⁴ *Jaynes J.* The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Princeton, 1976.
- ¹⁵ *Prince G.* Narratology. N.Y., 1982. P. 4.
- ¹⁶ *Sarbin T.R.* The narrative as a root metaphor for psychology. P. 9.
- ¹⁷ *Hermans H.J.M., Kempen H.J.G., van Loon R.J.P.* The dialogical self: Beyond individualism and rationalism // *American Psychologist.* 1992. 47. P. 23–33.
- ¹⁸ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- ¹⁹ Мы могли бы назвать его «метанарративом» в противовес более узкому пониманию нарративов как историй, соответствующих определенным Я-образам, однако тут мы рискуем внести путаницу с «метанарративом» в философии Ж.Лиотара.
- ²⁰ *Фуко М.* Что такое автор? // *Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1994. С. 9–46; *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
- ²¹ *Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
- ²² *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004; *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.–М., 2005.